

Традиции и новаторство

Никогда еще советское искусство не шествовало так триумфально по свету, как в нынешнем, 1958 году. Бури неподдельного восторга пронесли всюду, где выступали мастера нашего театра, балета, музыки, вокала, кино, цирка, эстрады.

Чем вызвано это повсеместное и единодушное признание? Что послужило источником такого блестящего художественного успеха? Что привлекло сердца людей к советским гостям? Их первоклассные таланты? Бесспорно. Высокое мастерство, тонкая артистичность способны покорить любого. Но ведь виртуозы имеются и за рубежом. И там немало одаренных исполнителей. В чем же магическая притягательная сила советских художников? В том, что их творчество отражает высокую человечность, гуманизм нового, социалистического мира, глубоко оптимистично по своему звучанию. Вот почему даже на родине Шекспира люди поражались одухотворенностью образа Джульетты, созданного Г. Улановой. Вот почему парижане были потрясены новизной духовного облика чеховских героев на спектаклях МХАТа. Вот почему американцы с таким упоением воспринимали жизнерадостное искусство танцевального ансамбля, руководимого Игорем Моисеевым, а посетители Всемирной выставки в Брюсселе зачарованно слушали задушевные песни в исполнении украинского народного хора под управлением Григория Веревки.

Чистое вдохновенное творчество наших мастеров сцены доставляет

«ПРАВДА УКРАИНЫ»

2 стр.

17 августа 1958 г.

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого на сцене Малого театра

зрителям и слушателям неизъяснимую эстетическую радость, оздоравливает их душевно, укрепляет духовно, пробуждает чувства человеческого достоинства. Так расценивали в странах народной демократии недавно проходившие гастроли Малого театра, демонстрировавшего братским народам сокровища русской национальной культуры. Малый театр, и в дореволюционное время считавшийся в Москве вторым университетом, бывший рассадником прогрессивных идей своего века, сейчас, как никогда, высоко держит знамя сценического реализма — искусства больших мыслей, высоких страстей, горячих эмоций, искусства, исполненного патристических чувств, гуманистических идей.

Это особенно наглядно видно в одной из удачнейших постановок Малого театра последнего времени, в спектакле «Власть тьмы». Когда видишь на сцене новую трактовку событий, воспроизведенных гением Л. Толстого, невольно приходят на ум мысли о традициях и новаторстве. На первый взгляд, в этом спектакле традиция нарушена дважды — и в толковании самой драмы Толстого, и в строе спектакля, не во всем обычного для сцены Малого театра. Но традиция — не геологическая окаменелость, а постоянно развивающийся творческий процесс, в котором сохранено все лучшее, что достигнуто коллективом в упорном труде и беспрепятственных исканиях. С этой точки зрения спектакль «Власть тьмы»

является убедительнейшим доказательством верности старейшего русского театра традициям передового идейного искусства, стремящегося быть современным — и по своему духу, и по своей сущности, и по своим изобразительным средствам.

Имели ли право творцы спектакля и прежде всего его режиссер Борис Равенских на свое собственное прочтение знаменитой толстовской драмы? Спорить на сей счет, как будто, не приходится. Да, имели! Давала ли пьеса повод для такой ее трактовки, какую мы видим на сцене Малого театра? По тому, как глубоко и свежо, а главное современно прозвучало новое сценическое воплощение «Власти тьмы», следует ответить утвердительно, — да, давала! Великие творения даже противоречивых художников тем и вечны, что дают возможность читать их по-новому, в соответствии с накопленным социальным и эстетическим опытом человеческого общества. От прозорливости и таланта истолкователя зависит, насколько глубоко проникнет он в тайники произведения, насколько полно раскроет его сокровенную суть, может быть даже не совсем ясно видимую и самому автору.

Десятилетиями жила в сознании людей мысль о том, что «Власть тьмы» это — пьеса только об идиотизме деревенской жизни, о дикости, варварстве и зле бедняцком, забытых людей в хищничестве и алчном собственническом свете. Малый театр показал и убедил нас в наличии новых, до того не всем ясных, идейных мотивов пьесы. Оказывается, что за мрачными событиями «Власти тьмы» встают иные духовные го-

ризонты, что в редко ставившейся трагедии Толстого можно найти — и нашли! — другую правду, правду о простых русских людях, не поддававшихся растлевающему воздействию царства чистогана, веривших в высшие идеалы жизни, чутко прислушивавшихся к голосу совести, привлекаемых своей нравственной силой и душевной чистотой.

На залитой солнцем соломенной скирде скромно стоит (здесь продумано и пространственное решение) внешне невзрачный, неказистый, бедно одетый Аким. А перед ним, словно на исповеди, распластался на коленях душевно истерзанный, разбитый, трагический в своем позднем прозрении Никита. Как много пришлось пережить Никите! Тяжки его прегрешения, велики преступления — он стал убийцей собственного ребенка, но муть изломанной жизни окончательно не захлестнула его души, и Никита сумел всенародно признаться в своих злодеяниях, признаться так, что это прозвучало не мелодраматическим покаянием, а своеобразным протестом против мерзости собственнического общества, которое своими волчьими законами и порядками уродует, губит человеческие души. Эта режиссерски и актерски великолепно сделанная сцена может быть образно названа «на коленях перед совестью». И эту чистую, благородную и в то же время грозную народную совесть олицетворяет здесь Аким. Да, Аким, в котором привыкли только видеть носителя толстовского непротивления и всепрощения. Пусть в его финальных репликах часто звучит слово «бог», но оно воспринимается зрителем как певчим словом «совесть». Никита пал ниц перед отцом не как кающийся смиренный грешник, а как его новый единомышленник и последователь, как человек, готовый нести тяжкое скупление во имя обретенной светлой правды.

Идею неистребимой народной совести больше всего несет в спектакле образ Акима, сыгранный Игорем Ильинским с подлинной мудростью и проникновенностью. Творческая смелость, присущая самому замыслу спектакля, многим его компонентам, видна и в том, что трагедийная роль Акима поручена актеру, давно зарекомендовавшему себя, как талантливейший исполнитель комедийных ролей. Борьба с привычными канонами и предвзятыми критериями, характерная для всей постановки, увенчалась здесь замечательной победой. Артист создал трогательный и поэтический образ сына народа, естественного по всей своей внешней и внутренней характеристике, духовно отличного от всего того, что мы представляли и видели прежде в роли Акима.

Спокойные, внимательные, часто скорбные и напряженно думающие глаза, тихая, неторопливая речь, медленные и как бы робкие движения, неслышная походка — все в облике Акима говорит о кротости, доброте, отзывчивости, мягкости. Но это не смиренность юродствующего во христе елейного правдолюбца, а простота и непосредственность, идущие от большого душевного богатства, от нравственной целомудренности характера. С какой болью укоряет Аким сына за брошенную сироту Марину, с какой горечью и гневом бросает он в лицо Никиты слова осуждения, как непримиримо уходит из дома, погрязшего в разгулах, пороках и злодеяниях, как просветленно воспринимает он слова раскаяния и протеста сына. Исполнитель мастерски воспользовался не только текстом роли. Ильинский чудесен и в паузах, в бессловесных картинах. Вот сидит на широкой русской печи убитый горем, сгорюничавший, скрючившийся Аким, и зрители остро чувствуют борение души героя, слышат тревожные

стуки его сердца, без слов понимают одолевшие старика горькие думы. По силе проникновения эта сцена напоминает другую, такую же потрясающую мимическую картину, когда А. Бучма горюет над ватником убитого сына в «Макаре Дубраве».

Идея народной совести воплощена в спектакле не только в образе Акима, а и Митрича, Анютки, Марины, других действующих лиц, воплощена глубоко, последовательно, в эмоционально насыщенном действии. Удивительна внутренняя собранность обычно размашистого М. Жарова в роли выдавшего виды старого солдата Митрича. Ярко, темпераментно играет В. Доронин. На долю Никиты выпали большие и сложные переживания. Он то бездумно и цинично заигрывает с влюбленными в него женщинами, то упивается положением богатого хозяина, то озорно и пьяно куражится, то иступленно мечется после совершенного убийства, то сам себя казнит, мучительно ищет путей к правде, гневно клеймит и себя самого и ту действительность, что довела его до зверского состояния. В. Доронин с завидной щедростью передает сложные душевные перипетии своего героя, и, подобно другим участникам этого спектакля, снимает с образа традиционный налет злодейства, убедительно подводит Никиту к прозрению.

О спектакле «Власть тьмы» писалось уже много, и можно согласиться с оценками работы других исполнителей — Е. Шatroвой, старательно избегающей показа в образе Матрены черт злощестности, О. Чуваевой, чья Анисья жизненна и в своем любовном томлении, и в своей жгучей ревности, и в своей болязи кары. К. Роек с тонким драматизмом раскрывает терзания детской души, честной и доброй Анютки, и в этом смысле очень помогает Ильинскому и Жарову донести идею спектакля. За-

душевна Ю. Бурьгина в роли Марины, убийдительно Э. Далматова (Акулина), немало постарался Б. Горбатов, чтоб показать Петра как живой индивидуальный характер, а не только как выразительный социальный тип.

Авторы спектакля, видимо, хотели пропеть на сцене песню о суровых испытаниях и нравственном мужестве подневольного русского народа, лишенного права на счастье и радости. Но народная песня — это и горькая кручина, и крылатая мечта, пафос борьбы и радость победы, страдания и надежды, светлая улыбка и шемая тоска, величие широких родных просторов, и стон раненого сердца. Все это и слышится в спектакле, но не как сопровождающий аккомпанемент, а как органический участник действия. Такую же образную и ощутительную функцию несут и декорации Б. Волкова, то освещенные ярким солнечным светом, то подернутые тенью вечерних сумерек, дополняющие события и помогающие их развитию.

Можно в постановке найти и подчеркнутую символику, и нарочитую игру светом, и эффектные концовки. Но покоряет глубина, цельность, органичность спектакля, воспринимающегося, как новое и целиком оправданное прочтение гениальной толстовской пьесы. Под режиссерским новаторством у нас иногда подразумевают изобретательные трюки, внешнее оригинальничанье. Но подлинно новаторской является та работа, в которой присутствует глубокий смысл, новый самостоятельный взгляд на сущность произведения, новые идейно-эстетические открытия. Этим и характеризуется «Власть тьмы» на сцене Малого театра — спектакль, утверждающий оптимистический дух советского искусства, которому рукоплещет весь прогрессивный мир.

Иосиф КИСЕЛЕВ.